

18+

КЛАВА

К. В. Яковлев

Деревня, лето, солнце.

Два любящих сердца.

К. Яковлев

Клава. Деревня, лето, солнце. Два любящих сердца.

<https://litres.ru/74283719>

ISBN 9785007074551

Аннотация

Рассказ о первой любви пятнадцатилетнего юноши и шестнадцатилетней девушки. Молодой человек проводит лето в деревне у своей бабушки, где встречает соседскую девушку, и у них возникают первые чувства.

Эта история о чистых, нежных отношениях двух молодых людей, об их первом опыте общения с противоположным полом, ошибках и первом разочаровании.

Клава Деревня, лето, солнце. Два любящих сердца.

К. В. Яковлев

© К. В. Яковлев, 2026

ISBN 978-5-0070-7455-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и
оно кажется прекрасным.

Антон Павлович Чехов

Я родился и всю свою жизнь прожил в Москве. Моя мама родом из подмосковной деревни, где я был всего лишь три раза.

В деревне, где родилась моя мама, остались жить ее родители — мои бабушка и дедушка, и ее старший родной брат — мой дядя. Я за свои почти четырнадцать лет никогда свою родню не видел. Моя мама была в ссоре со своими родителями, а особенно с братом. Причину ссоры я так и не узнал, тайну забрали в могилу ее участники. То, что мне известно:

ссора произошла из-за моего отца. После этой ссоры мама уехала от своих родителей, закончила институт и осталась жить в Москве.

Мне не было еще четырнадцати лет, когда зимой, в конце 1979 года, умер мой дед. Не смотря на ссору, моя мама, отец и я поехали на похороны. В тот год я впервые оказался в деревне своей мамы. Остановились мы в доме ее родителей, и я увидел свою бабушку.

Я был еще мальчишкой, на похоронах оказался в первые. То, что умер кто-то родной, на меня не действовало. Деда я никогда не видел. Тем не менее, эти события произвели на меня впечатление, я ничего не замечал вокруг. Мозг отказался анализировать и запоминать все то, что произошло. Единственное, что осталось в памяти: как моя бабушка взяла за руку мою маму и, как я позже понял, моего дядю, подвела их к гробу деда и, держа каждого за руки, потребовала: «Перед телом отца, миритесь!»

Они помирились, даже обнялись, а мой отец и дядя пожали друг другу руки.

На следующий день после похорон мы уехали.

Наступил 1980 год, год Олимпийских игр в Москве. Власти старались освободить Москву от лишнего народа, и чтобы я не шатался празднично по городу и не давал повода милиции, было принято решение отправить меня на лето к бабушке, в деревню.

Выехали мы рано утром, в первую субботу моих кани-

кул. Экзамены за восьмой класс и так называемый выпускной «съели» половину июня. За рулем наших «Жигулей» сидел мой отец, мама сидела рядом с ним, я устроился на заднем сиденье и дремал. Мне тогда, пятнадцатилетнему пацану, было абсолютно без разницы, куда и по какой дороге мы едем, главное, что едем. Стояли теплые солнечные дни конца июня. Не смотря на раннее время, было уже светло, автомобилей было мало, и дорога была свободной. Через часа полтора мы свернули с трассы на местную дорогу и поехали по ней через леса, поля, населенные пункты. Мы проехали где-то полчаса, отец притормозил, свернул с шоссе на лево, на проселок, и наш автомобиль, оставляя за собой столб пыли, поехал дальше. Мы остановились около старого дома и вышли из автомобиля. Нам на встречу из калитки вышла бабушка.

— Здравствуй, доченька! — сказала она.

— Здравствуй, мама! — ответила моя мама, и они обнялись.

Бабушка подошла ко мне, обняла меня.

— Здравствуй, Николай! — сказала бабушка довольно сухо моему отцу, не отрываясь от меня.

— Здравствуйте, Антонина Ивановна! — ответил отец ей.

С родителями я провел весь день, а вечером, после ужина, они уехали обратно в Москву. Я остался один со своей бабушкой. Бабушку я не знал, в прочем, так же, как и она меня. За два с небольшим месяца, что я должен был провести

здесь, мы должны были узнать друг друга ближе и сойтись, как никак родные. Комнату бабушка выделила мне наверху, под крышей, где из чердака мой дядя сделал себе комнату, в которой жил, пока не женился и не выделился отдельно, как сказала бабушка. Комната была не большая, уютная, с одним окном, смотрящим на улицу. Напротив окна у стены была дверь, за которой сразу начиналась лестница. Окрестности я еще не знал. Решил с утра воскресенья отправиться на осмотр «местных достопримечательностей». Проводив родителей, я пожелал бабушке спокойной ночи и поднялся к себе на второй этаж. Было уже темно. Моя кровать стояла у самого окна, таким образом, что я мог, лежа на ней, смотреть на звездное небо. Фонарей на улице не было, в комнате было темно. Я распахнул окно настежь. Через открытые рамы окна были слышны звуки природы. Раннее просыпание, масса впечатлений за день, свежий воздух, пение соловьев и еще каких-то птиц сделали свое дело: я очень быстро уснул.

Проснулся я от того, что мне в лицо светило солнце. Я взял свои наручные часы, которые лежали рядом на табуретке. Времени было шесть утра. Я, не вставая с кровати, задернул занавеску, лег обратно и отвернулся от окна. Проснулся я в восемь часов, хотя дверь в комнату и была закрыта, пахло жареным тестом: бабушка похоже, что-то жарила. Такой запах обычно был, когда мама жарила оладушки.

Я люблю воскресное утро именно за это. Воскресенье — это единственный выходной день. По субботам учились. По-

чему в субботу был учебный день, я никогда не мог понять. Родители утром могли бы выспаться, у них был выходной, но их милые детки не давали им такой возможности. В семь утра, а то и раньше, родители будили своих чад, кормили их завтраком и отправляли в школу. В основном доставалось матерям, отцы, как правило, спали. Уже позже, изучая историю права, я узнал, что до 1967 года в Советском Союзе была шестидневная рабочая неделя. Шесть дней работали все: родители, учителя, а ученики учились. После 1967 года, когда страна перешла на пятидневную рабочую неделю, про школы либо забыли, либо не стали этим заниматься, так как нужно было менять учебную программу, а это делалось на государственном уровне. На пятидневное обучение страна начала переходить, лишь в конце восьмидесятых годом.

Я, как все обычные школьники, в воскресенье пытался отоспаться, так как всю неделю вставал рано — в половину седьмого, а из дома нужно было выйти не позднее половины восьмого. Учился я в центре Москвы, а ездил из другого района, на дорогу у меня уходило минут сорок-пятьдесят. Всю неделю хотелось спать, и каждый раз, вставая в школу в половине седьмого, мечтал о воскресенье, когда можно будет спать столько, сколько захочу. Когда же наступало воскресенье, то просыпался я, как назло, сам, в восемь часов утра. Как я ни старался заснуть снова, у меня ничего не получалось, сон не шел. Кроме того, уснуть мешал запах, который шел из кухни. Мама жарила оладушки. Такие оладушки го-

товила только моя мама. Они были все одного размера, не больше десяти сантиметров в диаметре и сантиметр по толщине. Они были румяные, с хрустящей корочкой по краю. Оладушки были необычного вкуса, я не могу даже описать его. Мамины оладушки можно было есть с гастрономией, с сыром, со сметаной, с вареньем. Оладушки мама всегда жарила очень много. Поэтому, когда садились за стол завтракать, по началу оладушки ели со сметаной, с колбасой или сыром, а под конец — с вареньем, медом или со сгущенкой, а особенно с вареной, которую мама варила несколько часов в кастрюле с водой.

Варка сгущенки требовала не мастерства, а внимательности. В кастрюлю ставили банку со сгущенкой, заливали водой и ставили кастрюлю на огонь. Внимательность заключалась в том, что нужно было постоянно следить за тем, чтобы вода в обязательном порядке покрывала банку: воду нужно было постоянно доливать. Если упустить этот момент и вода выкипала, то банка со сгущенкой взрывалась, и все стены и потолок становились измазанными сгущенкой.

Первая мысль, которая появилась у меня — это то, что мама вернулась. Лежать я больше не мог. Я встал, оделся и спустился вниз.

Мамы, конечно, не было. У плиты стояла бабушка и жарила оладушки.

— Проснулся? Доброе утро! Умывайся и садись завтракать, — сказала бабушка.

— Доброе утро! — ответил я и пошел умываться.

Хоть это и была деревня, но в доме был газ, водопровод и электричество. Канализация стекала в колодец — в септик. Деревня относилась к богатому совхозу, который и провел в деревню газ, он же пробурил артезианскую скважину для нужд деревни и создал все удобства для своих работников.

Я сел завтракать, бабушка поставила на стол миску с оладушками, поставила крынку с молоком и густую сметану. Внешне оладушки оказались такими же, как и у мамы. Я положил ложку сметаны на оладушек, присыпал его сахарным песком. Сахар стал растапливаться на растекшейся сметане. Я отрезал кусочек оладушка и положил себе в рот. Это было блаженство. Оладушек оказался в точности такой, как и у мамы. Он буквально таял во рту, и у него так же хрустела зажаренная корочка.

— Бабуля, оладушки, как у мамы! Как ты так смогла сделать? — спросил я.

Бабушка, которая продолжала жарить оладушки у плиты, повернулась ко мне, посмотрела на меня, улыбнулась: «Говоришь, как у мамы? Значит, научила. Жалко, что большему не успела», — ответила она.

Я ел оладушки и запивал их молоком. Молоко было парное, очень вкусное и жирное. Корову бабушка не держала уже лет десять. Молоко было от коровы, которую держал ее сын, мой дядька — дядя Петр.

Дядя Петр жил рядом, через забор, со своей женой — те-

тей Любой и их сыном Олегом, который служил в армии. Когда дядя Петр женился, то отец — мой дед — отрезал ему часть своего участка, где на деньги совхоза дядька построил дом, в котором стал жить. Работал он в совхозе. Сейчас бабушка не сажала даже картошку: после смерти мужа вести хозяйство одной тяжело. Свой огород она отдала дяде Пете, который сажал на нем картошку, свеклу, лук, чеснок — все то, что вырастает в открытом грунте в нашей полосе. Всем своим урожаем он делился с бабушкой, а ей одной много и не надо. Бабушка держала только кур. Кур у нее было много, они были на «свободном выпасе». Во главе кур ходил большой петух. Петух был как в сказке: на голове длинный красный гребень, который под своей тяжестью сгибался и висел на одном боку. Его хвост из разноцветных перьев свисал вниз. У петуха были сильные лапы с большими «шпорами». Петух, как хан, следил за своим гаремом и ревностно его охранял. Бабушка звала петуха — «Паша». Паша был очень заботливым «мужем»: своими мощными лапами он разгребал землю, а затем кудахтаньем звал свое семейство отведать вкусных червяков, которых он раскопал. Куры с растопыренными крыльями бежали к нему и с радостью принимали угощение. На свое семейство он смотрел сверху вниз. Паша был одноглазым, глаз он потерял в одной из драк с конкурентом, который посмел приблизиться к его женам. Пока куры наслаждались лакомством, петух поворачивал голову боком, высматривал единственным своим глазом при-

глянувшуюся курочку и, не дав ей опомниться, наскакивал на нее. Яиц у бабушки было всегда много.

Петух у бабушки появился случайно. До этого у нее был петух обычный, белый, небольшого роста. Его особенностью был гребень, тоже очень большой, который стоял торчком, как прическа у панков. Как-то к соседям привезли дрова. Бабушкины куры, как обычно, ходили по улице и щипали травку. Среди кур были молодые, еще совсем маленькие желтые цыплята. Бабушкин петух был очень заботливым и внимательным отцом, он не сводил «глаз» с молодняка. Когда водитель грузовика, разгрузив дрова, тронулся, петух бросился буквально под его колеса, так как рядом паслись цыплята. Водитель не успел среагировать и наехал на него. Поднялся шум, все сбегались, выбежала и бабушка. Она подняла петуха на руки. К ней подошел водитель, он извинялся, предлагал деньги.

— Оставь себе, - сказала бабушка. — Небось не из-за хорошей жизни халтуришь. Купи детям своим что-нибудь.

Водитель уехал. Из петуха сварили суп. А через неделю к бабушкиному дому подъехал грузовик, который привозил дрова. Из кабины вышел водитель с корзинкой в руках, завязанной сверху тряпкой, и подошел к калитке: «Хозяйка!» — крикнул он.

Вышла бабушка: «Тебе чего?» — спросила она.

— Держите, мамаша! — сказал он и протянул корзинку.

— Это что?

— А вы сами гляньте.

Бабушка сняла с корзинки тряпку и обомлела. В корзине с перевязанными лапами и крыльями сидел красавец петух. Был он тогда еще совсем маленький, но уже был красавцем.

— Ой, — сказала бабушка, — да что это?

— Берите, мамаша. Это извинения мои за вашего петуха. У тещи выпросил, хотела на рынок вести продавать. У нас их два таких уродилось. Говорю: «Отдайте мне, мама, мне нужно человеку хорошему петуха возместить!»

— Ну спасибо, сынок. Сколько я должна тебе?

— Нет, и не возьму, обидите, мамаша.

— Тебя-то как звать?

— Пашкой, — ответил водитель.

— Ну тогда я его Пашкой и назову, в память о тебе. Не обидишься?

— Да нет, мамаша, ваш петух, вам и звать его.

С тех самых пор петух стал жить у бабушки. Паша меня невзлюбил с первого нашего знакомства. Я позавтракал и вышел во двор осмотреться. Куры ходили по участку, и я, не обращая на них никакого внимания пошел дальше, проходя между ними. Что произошло, я понял не сразу, я почувствовал удар сзади. Я остановился, развернулся и увидел, что здоровенный петух подпрыгивает, вытягивает лапы в перед и пытается ими меня ударить. Я отступил назад, но петух не унимался, он прыгал все выше и выше, помогая себе, размахивая крыльями. Петух намеревался ударить меня в глаза. Я

не стал с ним спорить и ушел с поля битвы, оставив Пашу со своими курами. Петух явно считал себя победителем в этой схватке. Когда бабушка узнала это, она сказала, что нужно его хворостиной огреть. Скорее всего, хворостину Паша боится, только в руках бабушки, а не в руках того, кто представляет угрозу его семейству.

Я вышел за калитку участка и решил изучить деревню. В деревне «Новино» было пятьдесят дворов. Деревня располагалась около реки. Река была не большая, метров тридцать шириной. Вдоль реки шла центральная улица, справа и слева от которой были дома. Улица начиналась от въезда в деревню и заканчивалась лугом, на котором жители деревни пасли своих коров. В центре деревни от центральной улицы отходила еще одна, та часть улицы, что шла на право, через три двора заканчивалась у реки, где был небольшой «пляж». Левая часть улицы заканчивалась лесом. В центре деревни, на перекрестке двух улиц, был единственный фонарь, стояла телефонная будка, здесь же находилась водопроводная колонка, около которой была скамейка, как позже я узнаю, это было место сбора местной молодежи. По своей сути улиц было четыре, так как все они упирались в центр деревни, где была площадка с «круговым движением». Все дома своими фасадами располагались у самой улицы. Перед некоторыми были палисадники с цветами, перед некоторыми домами палисадников не было. У бабушки и дяди Паши перед домом был палисад, там цвели пионы у бабушки красные, большие

шары, а у дяди такие же, но белые. В месте с пионами цвели разнообразные ирисы от светло-голубого цвета до разноцветных: желтые с синими лепестками, сиреневыми внешними и белыми внутри лепестками. Цвели так же дельфиниум, на высоких стеблях нежно-голубые, белые и оранжевые колокольчики. Цветов было очень много, ухаживала за всеми этими цветами тетя Люба.

Реку, в пяти километрах от деревни, в низ по течению, в селе «Траширово», в двадцатые годы прошлого столетия перекрыли, построили небольшую гидроэлектростанцию для нужд местного животноводческого комплекса. На базе комплекса в шестидесятых годах был создан совхоз «Траширово». Река разлилась, затопив заливные луга на противоположном низком берегу от деревни. Воды прибавилось, и в районе деревни расстояние от берега до берега стало метров триста-четыре. В «Новино» была ферма, на которой всю жизнь проработала моя бабушка. Дядя Петя работал водителем, отвозил молоко в «усадыбу», как называли село «Траширово», где находилась дирекция совхоза. Я прогулялся по деревне, сходил к каждому ее краю, затем пошел к воде. Снял обувь и вошел в воду. Вода была уже теплая, и я решил вернуться домой, надеть плавки и искупаться. Дом, где жила бабушка, находился в середине улицы, которая шла от центра деревни к лесу. В трех дворах от центра деревни и за три двора от ее края, что был у леса. От воды до дома бабушки нужно было пройти всего шесть дворов. С права от

бабушкиного дома, ближе к центру, был дом дяди Пети. Дом дяди Пети был больше бабушкиного. В бабушкином доме в стене на первом этаже было два окна и одно окно на втором этаже. На первом этаже были две комнаты: одна, в которой спала бабушка, вторая комната — гостиная, в этой комнате ели, когда приезжали гости, и в ней же они могли остаться на ночь. В задней части дома с одним окошком во двор была кухня, где бабушка не только готовила еду, но и питалась, там же ели и мы с ней. Дядин дом был в три окна на первом этаже и два окна на втором. На первом этаже у них была спальня и большая гостиная, в которой было два окна. На втором этаже было две комнаты. Когда он строил дом, он с тетей Любой рассчитывали, что у них будет много детей и все будут жить с ними. Они решили, что дети должны спать на втором этаже, чтобы не было соблазна лазить по ночам в окна. Их планы оправдались: у дяди с тетей родилось двое детей: дочь и сын. Со временем дочка вышла замуж и уехала в Наро-Фоминск к мужу, а сын ушел служить в армию. В доме дяди и тети я был всего лишь один раз, когда по просьбе бабушки пришел в их дом за молоком.

— Кость, — обратилась ко мне бабушка, когда я подошел к калитке, — ты на велосипеде умеешь ездить?

— Конечно! — ответил я. — А что?

— Да нужно в магазин съездить, у меня соль закончилась, да и чаю купить надо.

— Хорошо, — ответил я.

— Возьми в сарае дедов велосипед, Петер его вроде как починил. Ой, да ты и не знаешь, куда ехать-то нужно.

Калитка во дворе, что был напротив, открылась, и оттуда вышла женщина.

— Ивановна, привет! — сказала она.

— Здорово, Зина! — ответила моя бабушка.

— Гляжу, внук к тебе приехал!

— Да. Вот в магазин нужно поехать, а он дорогу не знает, может, твоя покажет ему?

— Да чего не показать? — ответила Зина. — Клавка, пойд-ди сюда! — крикнула она в сторону открытого окна.

Через некоторое время открылась калитка, и на улицу вышла девушка. Она поразила меня сразу, «с первого выстрела». Я выглядел, наверное, как идиот, потому что смотрел на девушку, которая только что вышла на улицу, и не мог оторвать от нее своих глаз. Девушка была небольшого роста, скорее даже маленькая, но при этом очень, я бы сказал, складненькая, стройная и очень пропорциональная. Одета она была в легкое ситцевое платье с нарисованными желтыми цветками. Платье было чуть выше колен и застегивалось спереди на пуговики.

— Что, мама? — спросила девушка.

— Съезди с внуком бабы Тони, покажи, где магазин в «Любанино».

Девушка оценивающе посмотрела на меня, как будто она выбирала не провожаемого в магазин, а по меньшей мере же-

ниха: «Хорошо. Нам нужно что-то?»

— Сейчас посмотрю, — ответила женщина.

Девушка развернулась и стала заходить на участок: «Я за великом, будь готов».

Дедовский велосипед оказался черный «Урал», тяжелый велосипед не только весом, но и на ходу. Лишь, благодаря моей спортивной подготовленности я справлялся с ним. Клава ехала на легком не складном велосипеде «Салют». Мы выехали с нашей улицы и повернули на право на центральную улицу, по которой поехали в сторону края деревни. Мы выехали из деревни, и поехали по проселку, нам предстояло проехать пять километров до шоссе, затем по самому шоссе еще километр до магазина. Дорога была хорошо укатанной, без ям. Сразу за деревней с левой стороны стояли пять коровников, а дальше за ними и после них начинался луг, который уходил куда-то очень далеко в лево, и почти у самого горизонта он заканчивался лесом. С правой стороны, за небольшим лужком, который мы проехали, начался лес. Лес был в основном хвойный со старыми соснами и елями, с толстыми стволами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.